

13. Petrova, V. 2002. Impacto de las obras hidráulicas sobre el equilibrio hídrico y ecológico de la Ciénaga Occidental de Zapata. Inédito.

14. Rodríguez Yi, J.; L. Fernández y R. Cruz, eds. 1993. Estudio Geográfico Integral Ciénaga de Zapata. Academia de Ciencias de Cuba e Instituto Cubano de Geodesia y Cartografía, La Habana, 225 pp.

15. Piñeiro Cordero, T. Identificación de la problemática ambiental local como línea base para orientarnos adecuadamente ante los cambios globales. (Reflexiones). Taller Zapata 2004.

16. Volpedo, A, L Fernández y J Buitrago. (Eds). (2012). Experiencias en la aplicación del enfoque GEO en la evaluación de ecosistemas degradados de Iberoamérica. Buenos Aires 2011. ISBN 978-987- 27758-0-3. 493 pp.

17. Volpedo, A. y Fernández, L (Eds). (2008) Monografía “Efecto de los cambios globales sobre biodiversidad”. Buenos Aires. 2008. ISBN 978-987-05-5533-9, 294 p.

А. В. Пелипец¹

СТЕРЕОТИПЫ КУЛЬТУРНОГО И ПРИРОДНОГО НАСЛЕДИЯ

Если на веб-сайте ЮНЕСКО открыть карту Европы с обозначенными на ней объектами Всемирного культурного и природного наследия, то сразу обращает на себя внимание не только значительная диспропорция в распределении этих объектов по территории России и остальной Европы, но и их географическое расположение, преимущественно в северной части Русской равнины [1]. В связи с этим возникает резонный вопрос: что отражает список Всемирного наследия – местонахождения, состояние, мировую культурную и научную ценность исторических и природных памятников на территории России или один из многочисленных вариантов стереотипной репрезентации нашей страны?

Бесспорно, что объекты, уже вошедшие в Список, в подавляющем большинстве случаев соответствуют всем существующим на сегодняшний день критериям их оценки и включения. Шедевры русского зодчества Средневековья и Нового времени, девственная природа Севера, несомненно, достойны восхищения в мировом масштабе. Смущает другое. Россия – это огромная территория, даже если рассматривать только её европейскую часть, но список Всемирного наследия не дает достаточного представления о бесконечном разнообразии её природного и культурного ландшафта. Социоприродный образ России, рождаемый в результате популяризации объектов наследия, представляет собой упрощенное, одномерное представление как о холодной северной

¹ Пелипец Андрей Владимирович, младший научный сотрудник Научно-исследовательского института многопроцессорных вычислительных систем им. акад. А.В. Каляева Южного федерального университета, Таганрог.

стране, ландшафтно и этнически однородной, моноцивилизационной и единоконфессиональной.

Выдающийся отечественный географ Б. Б. Родоман охарактеризовал такое положение дел как “стандартизация образа России с перекосом в сторону «Русского Севера», которую следует избегать” [2]. Существует большое количество научных исследований, анализирующих причины формирования одностороннего образа страны. Не будем останавливаться на этой проблеме, а лучше рассмотрим, что же теряется в результате игнорирования непривычных культурных и природных образов.

Если говорить о культурной составляющей, то прежде всего необходимо отметить, что попытки отразить через объекты наследия лишь историю восточнославянской цивилизации приводят к игнорированию предыдущего цивилизационного пути Европейской части России, который включает в себя длительные и тесные междоцивилизационные взаимодействия различных народов, населявших эту территорию в дославянский период. Особенно ярко этот путь прослеживается на Юге России, в частности, Северном Причерноморье.

Парадоксальный факт: несмотря на насыщенность степного Юга уникальными памятниками культуры и искусства многих древних протоцивилизаций, этот огромный, хорошо изученный пласт истории России остается невостребованным современными просветительскими институтами, художественной литературой, изобразительным искусством и кинематографом.

О Всемирном наследии ЮНЕСКО уже было сказано. Ситуация с телевидением еще хуже. Большинство научно-популярных телеканалов, вещающих у нас, имеет американское и западноевропейское происхождение, поэтому бесполезно ожидать увидеть там нестандартный ракурс истории нашей страны. В угоду массовой телеаудитории, редкие программы о России представляют собой шаблонный набор исторических зарисовок эпохи русских царей. Создается впечатление, что материал подбирается не для того, чтобы зритель узнал что-то новое, а для того, чтобы увидел ожидаемое – именно по такому принципу функционирует современный туристический бизнес. А значит, все, что прямо или косвенно связано с этой сферой, должно соответствовать формату.

Обсуждение нераскрытого потенциала культурного наследия Юга России хочется завершить словами академика Б. Н. Кузика, который как нельзя лучше описывал сложившуюся ситуацию:

“Именно интенсивность и разнообразие цивилизационных контактов на протяжении более двух с половиной тысячелетий при периодической смене действующих лиц создали в Северном Причерноморье огромный по масштабам, уникальный и богатейший по содержанию *всемирный музей взаимодействия цивилизаций*, охвативший тысячи километров и сотни культурно-исторических центров и ценнейших археологических памятников. Этому пока в полной мере не осознают не только иные народы и цивилизации, но и сами народы, про-

живающие здесь, их политическая, деловая и научная элита. Истинное богатство лежит втуне, невостребованное – и нередко разрушается, исчезает бесследно. За это нашему поколению придется держать ответ перед грядущими поколениями” [3].

Список Всемирного природного наследия на территории Европейской части России есть суть списка культурного, урезанного и сконцентрированного в одном(!) объекте – Девственные леса Коми (№ 719), расположенном на крайнем северо-востоке Европы. Условным исключением является Западный Кавказ (Кавказский государственный природный биосферный заповедник, объект № 900), европейская принадлежность которого варьируется в зависимости от многочисленных трактовок юго-восточной географической границы Европы.

Надо ли говорить, что такой редуцированный подход в выборе природных памятников Наследия значительно усугубляет сложившийся образ-архетип нашей страны.

Однако есть ли у нас действительно выдающиеся памятники природы, готовые в мировом масштабе представлять ценность ландшафтов, выходящих за пределы упрощенных географических образов? Безусловно, есть. Остановимся лишь на одном из таких объектов.

Коль уж речь зашла о Юге России и Северном Причерноморье, стоит рассмотреть на этой протяженной территории область Северо-Восточного Приазовья.

Сочетание выгодного географического положения (между Кавказом и обширной Русской равниной) и своеобразных геоморфологических условий сделали Северо-Восточное Приазовье объектом пристального изучения нескольких поколений ученых, представителей широкого спектра наук о Земле.

История естественно-научного изучения Приазовья насчитывает более 200 лет [4]. Наиболее активные исследования стали проводиться вскоре после основания Геологического института АН СССР, одним из главных направлений научной деятельности которого стало изучение четвертичного периода. Дальнейшие многолетние исследования этой территории позволили получить ответы на множество актуальных вопросов о корреляции отложений верхнего кайнозоя не только Понто-Каспийского и Средиземноморского регионов, но и всего земного шара [5].

В биостратиграфическом аспекте Северо-Восточное Приазовье является бесценным источником фаунистического материала, благодаря разнообразию которого отечественная и мировая палеонтология обогатились ключевым плейстоценовым териокомплексом – хапровским, выделенным В. И. Громыным [6]. Помимо этого, для отложений позднего кайнозоя Приазовья характерно исключительное богатство находками ископаемых слонов, являющихся руководящими формами для многих фаунистических комплексов плиоцена и плейстоцена [7]. Некоторые из этих находок, имея уникальную сохранность и

полноту, по праву украшают собой экспозиции музеев и международных выставок.

С точки зрения археологии и антропологии важно, что Северо-Восточное Приазовье было заселено человеком еще со времен среднего палеолита. Множество мустьерских памятников были исследованы еще в 60-х годах прошлого века Н. Д. Прасловым, П. И. Борисковским, С.Н. Замятиным. А недавно опубликованные материалы по артефактам в хапровских слоях открывают перспективы изучения еще неизвестных страниц раннего антропогенеза внеафриканской ойкумены [8].

Хочется подчеркнуть, что изложенные сведения показывают не местечковый патриотизм автора, а объективную глобальную ценность Приазовья, абстрагированную от доминирующего в массовом сознании эстетического визуального клише, которому описанная местность не соответствует. Погоня за живописностью, экзотичностью в оценках ценности ландшафта губительно сказывается на ментальном взаимодействии человека и природы, ограничивает понимание важности ландшафтного многообразия. Результатом этого становятся такие крайне уродливые формы рейтинговой оценки значимости социо-природных объектов, как, например, проект-конкурс «Россия 10».

Возвращаясь к списку Всемирном наследии ЮНЕСКО, необходимо сказать, что в нем уже присутствует объект, аналогичный Северо-Восточному Приазовью – Юрское побережье на юге Англии (Dorset and East Devon Coast, № 1029, тип: природный). Также имеется природный объект, внесенный в список по культурному критерию – Куршская коса (№ 994).

Природная и культурная уравновешенность значимости ландшафта Северо-Восточного Приазовья дает основание к постановке этого объекта смешенного типа (mixed site) в качестве кандидата на занесение в список Всемирного наследия. Более подходящей местности, которая могла бы именоваться Четвертичным побережьем (Quaternary Coast), попросту не найти.

Литература

1. World Heritage List. URL: <http://whc.unesco.org/en/list> (дата обращения: 24.04.2015).
2. Родоман Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Международный журнал исследований культуры (эл. издание). № 4 (5). 28 дек. 2011. С. 47–53.
3. Кузык Б. Н., Яковец Ю. В. Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. III: Северное Причерноморье – пространство взаимодействия цивилизаций. М.: Институт экономических стратегий. 2008. С. 841.
4. Титов В. В. Крупные млекопитающие позднего плиоцена Северо-Восточного Приазовья. Ростов н/Д: Издательство ЮНЦ РАН. 2008. С. 5.

5. Тихомиров В. В., Соловьев Ю. Я., Панютина Л. Б. и др. История Геологического института АН СССР: Развитие института, его научные школы и библиография трудов. М.: Наука. 1980. С. 55–57.

6. Громов В. И. Изучение четвертичной фауны Северного Кавказа // Вестник АН СССР. 1933. № 4. С. 19–26.

7. Байгушева В. С., Титов В. В. Обзор находок ископаемых слонов Приазовья // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. М.: ГЕОС. 2001. С. 71–81.

8. Саблин М. В., Гиря Е. Ю. К вопросу о древнейших следах появления человека на Юге Восточной Европы (Россия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 7–13.